УДК 1:316
ББК 60.02

С.М. Фролова

ГОРОД КАК ПРОСТРАНСТВО ПОВСЕДНЕВНОГО БЫТИЯ

S.M. Frolova
The City as a Space of Daily Being

The city space and daily life are considered as interrelated phenomena that determine territorial borders and personal space of the subject's existence, as well as the spiritual component and norms of his or her being. Intensive urban development destroys the traditional fabric of society and forms new values and cultural priorities of daily being.

Key words and word-combinations: daily life, the city, city space, daily being, norms of everyday existence.

Городское пространство и повседневность рассматриваются как взаимозависимые феномены, определяющие территориальные границы и личное пространство существования субъекта, а также духовную составляющую и нормы его бытия. Интенсивное развитие городов разрушает традиционные устои общества, формирует новые ценностные и культурные приоритеты повседневного бытия.

Ключевые слова и словосочетания: повседневность, город, городское пространство, повседневное бытие, нормы повседневного существования.

Город традиционно воспринимается как территориальная пространственная структура, наделенная четкими границами с установленными правилами события в их пределах. Известно, что формированию городов во многом способствовали переход человека к оседлому существованию и развитие земледелия, которые заложили локально-территориальное представление о пространстве. С появлением поселений-городов понимание пространства привязывается к пространству социальному и становится все более зависимым от деятельности людей, их потребностей и интересов. В связи с этим при рассмотрении города как пространства повседневного бытия необходимо учитывать предпочтения, поведение, условия существования индивидов в процессе каждодневности, поскольку такие взаимодействия впоследствии формируют не только межличностные и институциональные отношения, но и обусловливают развитие архитектурно-технических особенностей города.

В различные исторические эпохи город как приспособленная для повседневного

существования территория претерпевал значительные изменения, что свидетельствует о структурации и синхронизации этого пространства в соответствии требованием времени. Если рассматривать геометрические границы пространства современного города, то в отличие от пространства города-крепости, которое задавало территории города жесткие пространственные рубежи, они становятся все более «расплывчатыми». Это вынуждает при исследовании городского пространства заявлять «о существовании не городов, а агломераций, урбанизированных зон...» [1, с. 85], приводит к пониманию четкой определенности границ города.

Так, техническое совершенствование обусловливает развитие городов «как особых зон интенсивного (по организации) и универсального (по характеру) социального взаимодействия. Именно с развитием городов стало возможным массовое изменение рода занятий, социальных ролей и позиций в пространстве общения, изменение расстановки социальных сил, возникновение новых форм труда, досуга, общения» [2, с. 19], а также изменение личного пространства повседневного существования человека, к которому, в первую очередь, относится жилище.

Изменение формы жилищного *пространства*, согласно М. Маклюэну, свидетельствует о «новом мировоззрении» и изменении быта. Сложно возразить исследователю, что сознательная деятельность человека меняет конфигурацию пространства, переупорядочивает эталоны человеческой деятельности, а интенсивное развитие технологий диктуют иные требования к жилищному пространству, предопределяя новые критерии в его развитии. Иными словами, жилищное пространство отражает любые изменения, происходящие в обществе и, соответственно, в повседневной жизни горожан. Так, появившиеся в начале XX в. коммуналки, названные исследователями «революционным экспериментом повседневной жизни» (С. Бойм), отражали не только попытки нового правительства уравнять всех в имущественных правах, но и установить новую модель общества.

В современном мире, по мнению Л. Радионовой, если рассуждать «о повседневности как интерсубъективном понятии, то ее центром выступает такой концепт, как «дом» (отдельная квартира), значение которого для социального поведения городского жителя очень велико. Дом, квартира — сосредоточение завоеванных статусных позиций, и по этой причине она выполняет представительские функции, в том числе и для ее владельцев» [3], отделяя «казенное» от «повседневного» иногда в угоду стандартизированным требованиям современности. Показательным в данном случае является герой Р. Гира в известном фильме «Красотка», который, боясь высоты, жил в пентхаусе, так как это жилищное пространство соответствовало его статусу. На социальные взаимодействия в рамках города существенное влияние оказывает сам факт наличия у субъекта жилищного пространства. Ссылаясь на исследования социологов, Л. Радионова подчеркивает, что оценка горожанином обстановки в городе зависит от «удовлетворенности» жилищных проблем и наполненности дома вещами, которые ассоциируются с «домашней обстановкой» и, на наш взгляд, усиливают эмоциональную ценность повседневного пространства. Вероятно поэтому независимо

от возрастающей возможности перемещения по миру мы по-прежнему привязаны к мини-пространству дома (квартиры), города, дающих, как и в далекие времена наших предков, ощущение уверенности и внутренней защищенности.

Возможно, что чувство безопасности в городе усиливают строения из камня, прочность которого всегда ассоциировалась у человека с вечностью и нетленностью. Заслуживает особого внимания мнение о том, что «правильно обработанный камень соединяет идею целенаправленного созидательного ритма с идеей преодоления хаоса, тлена и разрушения» [1, с. 68] за счет придания телу города особой «жесткости». Сопоставление города с телом нельзя назвать новым, еще Т. Гоббс в «Левиафане» называл государство «искусственным человеком», по аналогии с которым выстраивалась система управления: голова (правительство) — это душа; роль нервов и сухожилий отводилась чиновникам; глазами государства были тайные агенты. Позже П.А. Флоренский выдвигает идею органопроекции, основанную на том, что созданные человеком орудия труда соответствуют его биоаналогии и являются продолжением человеческого тела.

Современные исследователи «тематизируют» телесное пространство, выделяя в нем *телесный верх* (голова, руки), который согласно В.Д. Лелеко, обладает «высокой культурной ценностью» и потому является определяющим (доминирующим) для повседневной жизни, и *телесный низ*, традиционно воспринимающийся на обыденном уровне как «ритуально нечистый» [4, с. 387]. Полагаем, что стремление человека привязать познание мира к телесности свидетельствует о заданности субъективного восприятия, ведь любой процесс проще объяснить, если при этом используются доступные и близкие для понимания объекты. Тело же человека с самого рождения активно участвует в формировании субъективной картины мира, благодаря знанию его как биомеханизма вырабатывается первичная адаптация индивида, по этому принципу происходит «опредмечивание среды» (например, в мифологии) и развитие внутренних установок бытия. Это еще раз подтверждает роль повседневности в определении смыслозначимости телесного пространства и его ментальной зависимости от практической направленности каждодневной деятельности, исходя из которой формируются устои обыденности, выстраивается понимание защищенного пространства повседневного существования.

Защищенность человека обусловливает сама повседневность, поскольку для городского пространства характерны четкая структурированность и упорядоченность, присутствующие не только при расположении строительных сооружений, но и в отношениях между людьми. Такая шаблонность и выступает гарантом безопасности, и дело не только в территориальной отгороженности города от «пустого пространства», но и в том, что порядок бытия, установленный в населенном пункте (городе), исключает непредвиденные и потому неудобные для окружающих ситуации, обеспечивая тем самым устойчивость организации и закрепленную нормированность действий, доходящих до автоматизма. Повторение однообразного не может исключать опасность и риск в процессе повседневной жизнедеятельности человека, даже постоянно совершаемые действия, например переход через проезжую часть или обед в столовой, не гарантируют индивиду полной безопасности, скорее, риски в современной каж-

додневности стали стереотипизированными и «привычными» настолько, что их перестали замечать [5], чему и способствует каждодневная повторяемость действий.

Деятельностное освоение человеком территории бытия выражает внешнюю, физическую сторону пространства повседневности. Последнее, считает В. Лелеко, с точки зрения его физической определенности делится по принципу функциональности: если это пространство жилища, то оно обязательно включает зоны питания, сна, ухода за телом; если это повседневное пространство города, то к местам питания добавляются места торговли, транспорта (дороги, реки, улицы) и работы. Исследователем отмечено, что «повседневное пространство поселения территориально соединено и по сути, социокультурному смыслу противостоит властно-административному, сакрально-религиозному и праздничнo-рекреативному пространству (дома правителей, местной власти... концертные залы, стадионы, аллеи, скверы...)» [4, с. 387—388]. Полагаем, что такие пространства, как здания власти, театры, неотделимы от пространства повседневности, и не только по той причине, что в них проводится основная часть каждодневного времени работающих в этих сферах, но и потому, что они являются не «антитезой будничной необходимости», а неотъемлемой частью повседневного бытия любого субъекта.

Возможно, что метафорическое противостояние просматривается при общении, когда представители властно-административного пространства, определяют «социальное расстояние» (Э. Холл), вовлекая субъектов в процесс пространственной стратификации, которая создает «социальные границы реализации потребностей, интересов, уровня доходов, образования городских страт, выстраивает их социальные позиции в иерархически организованном пространстве» [6, с. 95], что, несомненно, сказывается на социально-бытовой сфере городской жизни. При этом нельзя утверждать, что траектория поведения человека жестко заданы существующими территориальными границами, напротив, город предоставляет человеку огромный набор образцов поведения и деятельности. Наличие в поведении городского жителя продукта его индивидуального творчества объясняет своеобразность образа жизни городского населения, этим город отличается от деревни, «где выбор меньше и запрограммированность... имеет более жесткий характер» [7, с. 44], что делает деревенского обывателя более зависимым от заданных территориальными рамками программ поведения.

На рубеже XX—XXI вв. более заметны отличия в повседневном бытии, можно наблюдать в появившемся видоизмененном пространстве города — мегаполисе, где особый уклад каждодневного существования обеспечивается и поддерживается упорядоченным взаимодействием огромного количества сетей — электрических, информационных, транспортных, особенность топологии пространства города — системозависимость. Ведь каждая из сетей представляет своеобразную базовую структуру, в задачу которой входит обеспечение функционирования множества подсистем, поэтому сбой в одной из них ставит под угрозу существование другой. Следовательно, для стабильности и слаженности работы всех систем города важно соблюдение правил и норм, направленных на

обеспечение бесперебойной деятельности всех сетей, чему во многом способствует опыт взаимодействия индивидов в процессе повседневного бытия, благодаря которому вырабатывается определенный порядок совместного существования, обусловленный географическими, климатическими, демографическими, условиями [8]. Таким образом, *повседневность обладает внутренней силой, способной объединять индивидуальные предпочтения субъектов, их культурные особенности и способы организации каждодневной деятельности в единый конгломерат с общими правилами бытия.*

Немаловажное значение для городского пространства имеет духовная составляющая бытия. Понятно, что сегодня духовность не сводится только к трансцендентности, современное понимание духовности выходит за границы сакральности, включая аксиологические, моральные и эстетические составляющие. При начальном освоении пространства, «в пределах которого селилась группа основателей... пусть даже это будет пустой амбар или, например, купеческая гавань», особая значимость придавалась «соприкосновению с непознанным» [9, с. 211], что сформировало отношение субъекта к священному, длительное время не изменяющееся под воздействием повседневных потребностей. Неудивительно, что одними из первых строений в городах были здания религиозного значения, тогда как в современных мегаполисах, где расстояния в несколько километров преодолевается в рекордно короткое время, большее внимание уделяется строительству дорог, сервисных и торговых центров. Все это меняет не только отношение к Абсолюту, формируются иные ценностные приоритеты, разрушаются механизмы передачи знаний от поколения к поколению, поскольку город — это мультикультурное пространство, объединяющее людей различных религиозных, национальных, языковых идентичностей, которые сведены городской повседневностью в единый поток, с общими нормами, стереотипами и предпочтениями. Современному горожанину «не чужд азиатский стиль, он знает о красотах Словакии, слышал об Амстердаме, понимает, что производят в Милане и связан с американским континентом сетью закусочных быстрого питания» [1, с. 221], он знает понемногу обо всем, но это немного о многом уводит нас от понимания не рекламных, а настоящих Красоты и Доброты. Это во многом объясняет, почему равнодушие, безразличие и одиночество знакомы практически каждому человеку, живущему в городе XXI в.

Понимание города как пространства повседневного существования включает физическую, территориальную (метрическую) данность, а также отражает внутреннее содержание, метафизическую наполненность и «ценностную нагруженность» (В. Конев). Если физические пространственные параметры наделены измеримостью и визуальностью, то внутреннее содержание зависит от особенностей взаимодействия людей, а также исторической эпохи, формирующей нормы повседневного существования.

Библиографический список

1. Философия города / под ред. В.В. Афанасьевой. Саратов, 2012.
2. *Стризое А.Л.* Власть риска и риски власти // Власть. 2012. № 3. С. 16–20.
3. *Радионова Л.А.* Философско-методологические основания исследования повседневности

городской коммуникации. URL: http://kafedra.net.ua/ru/ conferenses/2011/47-sec4/61-2011-03-22-13-27-28.html

4. *Лелеко В.Д.* Культурология повседневности: становление и современное состояние // Фундаментальные проблемы культурологии. СПб., 2008. Т. I: Теория культуры.

5. *Фролова С.М.* Рискогенность повседневной жизни общества // Власть. 2012. № 10. С. 14–17.

6. *Устьянцев В.Б.* Человек, жизненное пространство, риски: ценностный и институциональный аспекты. Саратов, 2006.

7. *Розов М.А.* Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М., 2008.

8. *Фролова С.М.* Институциональный подход в исследовании повседневности // Вестник ПАГС. 2013. № 2 (35). С. 118–124.

9. *Фоссье Р.* Люди Средневековья. СПб., 2010.

E.Yu. Shakirova
Social and Cultural Field: Stability vs Uncertainty

The states of social and cultural field as a complex field of constructed meaning are analyzed in the article. It is postulated that such states as stability and uncertainty do not contradict each other, but are in close interrelation, determining development (distribution) of social and cultural field.

Key words and word-combinations: social and cultural field, stability, uncertainty, social and cultural monade, rhizoma.

Анализируются состояния социокультурного пространства как комплексного пространства конструируемого смысла. Постулируется, что такие состояния, как стабильность и неопределенность, не противоречат друг другу, а находятся в тесной взаимосвязи, детерминируя развитие (распространение) социокультурного пространства.

Ключевые слова и словосочетания: социокультурное пространство, стабильность, неопределенность, социокультурная монада, ризоморфность.

УДК 1:316
ББК 60.02

Е.Ю. Шакирова

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО: СТАБИЛЬНОСТЬ VS НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Социокультурное пространство — сложная категория, представляющая собой сочетание нескольких понятий. В самых общих чертах социокультурное пространство можно определить как конструированное пространство смысла, в котором отражена культурная специфика социальной организации изучаемого социума и где можно выделить несколько уровней (потоков), пересекающихся друг с другом.

Социокультурное пространство принадлежит к числу наиболее сложных формирований, способных к оптимизации и самоорганизации поведения при изменении внешних условий. Подобное качество позволяет в определенной степени предсказывать набор возможных сценариев его развития (распространения). Поведение элементов социокультурного пространства можно охарактеризо-